

A woman in a black dress stands in the center of a hallway composed of multiple layers of mirrors, creating a deep perspective effect. The mirrors are framed in ornate, dark wood. The floor is also reflective, showing the woman's silhouette. The lighting is dramatic, with a bright light source at the end of the hallway, silhouetting the woman.

Яра Гремлина

Старое трюмо

Яра Гремлина

Старое трюмо

<https://litres.ru/74327649>

SelfPub; 2026

Аннотация

Старинное трюмо в антикварном магазине Веры не просто показывает отражения. Оно оживляет тёмные версии тех, кто смотрит в его стекло. И однажды ночью тёмная Вера выходит наружу, чтобы занять место настоящей. Теперь Вера – узница в мире отражений, а её похитительница проживает её жизнь, день за днём стирая разницу между собой и своей жертвой.

Чтобы выбраться, Вера должна заманить новую жертву.

Но она уже знает, что это случится не в первый раз. Она помнит, как в детстве сама подошла к этому стеклу.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Старое трюмо

Глава 1

В магазине пахло пылью и временем. Не тем временем, что текуче и невесомо, но тем, что оседает слоями на бархате кресел, въедается в деревянные инкрустации комодов, застывает янтарём в трещинах фарфоровых ваз. Вера любила этот запах – он успокаивал, как запах церковного ладана успокаивает тех, кто давно перестал молиться. Здесь, среди чужих вещей, она чувствовала себя почти бесплотной: хранительница архивов, биограф безжизненных предметов, монахиня ордена утрат.

Магазин занимал первый этаж старого особняка. Окна выходили на север, и свет никогда не проникал сюда прямыми лучами – только рассеянный, сероватый, тот самый, что делает предметы одновременно отчётливыми и призрачными. Витрина, выходящая на улицу, была заставлена фарфоровыми куклами в кружевных платьях. Вера находила их утешительными: они никуда не спешили, они ждали.

Сердцем магазина было трюмо.

Оно стояло в глубине, в самой тёмной нише, куда покупательницы добирались не сразу. Резная рама из тёмного дерева, местами потемневшего почти до черноты, была украше-

на затейливой вязью: ветви, переплетённые с лентами, и на каждом завитке – крошечные цветы, похожие на звёзды. Когда Вера впервые увидела трюмо на распродаже имущества умершего антиквара, она не почувствовала ничего особенного – только обычное профессиональное любопытство. Хорошая работа, конец восемнадцатого века. Она купила его не раздумывая, задешево, потому что никто больше не хотел возиться с такой громоздкой вещью.

Трюмо было старым, но стекло его оставалось безупречным – ни единой мушки, ни единой царапины. Вера часто задерживалась перед ним по вечерам, когда покупатели уходили и наступала та особенная тишина, в которой каждый звук обретает вес. Она вглядывалась в своё отражение и видела женщину за пятьдесят – усталое, но не сдавшееся лицо, глаза, слишком много видевшие, чтобы удивляться, слишком мало любившие, чтобы жалеть. На висках – седина, на губах – складка многолетнего молчания. Она не искала в зеркале красоты, она искала подтверждения: я всё ещё здесь, я всё ещё цела.

Первая покупательница, которая заметила, что с зеркалом что-то неладно, пришла в октябре. Девушка, Вере показалось, что ей нет и двадцати, робко переступила порог, словно испугалась потревожить покой спящих вещей. Она долго бродила между стеллажами, касаясь кончиками пальцев кружевных воротников и бронзовых чернильниц, пока наконец не остановилась у трюмо.

– Можно померить? – спросила она, держа в руках шарф из тонкого шёлка, бледно-зелёного, как первая весенняя трава.

– Конечно, – ответила Вера, не поднимая головы от каталога.

Она услышала, как девушка подошла к трюмо, как зашуршал шёлк о платье. А потом – тишина. Та особенная тишина, которая наступает, когда человек смотрит в зеркало и видит в нём что-то, чего быть не должно.

Вера подняла глаза.

Девушка стояла неподвижно, руки застыли на шарфе, ещё не завязанном, ещё только приложенном к шее. Её лицо в зеркале было лицом той же девушки: те же глаза, тот же разрез губ, те же непослушные светлые волосы. Но улыбка. Улыбка была другой. В ней не было робости, не было неловкости – только насмешка, холодная и знающая, улыбка той, кто уже всё поняла про мир и давно перестала удивляться.

Девушка обернулась. – На её настоящем лице не было никакой улыбки.

– Странное зеркало, – сказала она, и голос её дрожал. – Оно... оно делает лицо каким-то не таким.

– Старое стекло, – ответила Вера. Голос её прозвучал ровно и буднично, как у того, кто привык объяснять необъяснимое. – Преломление света. В старых зеркалах часто есть небольшие искажения по краям.

Девушка кивнула. Она купила шарф, заплатила наличны-

ми и ушла, оставив после себя запах цветочных духов и лёгкое беспокойство, которое Вера списала на усталость глаз.

Вторая покупательница, которая заинтересовалась трюмо, пришла через неделю. Женщина лет сорока, с твёрдым взглядом и жёсткой линией рта, выбирала серебряный подсвечник. Подошла к трюмо мимоходом, посмотрелась мельком и застыла.

Вера наблюдала из-за прилавка. В зеркальном отражении лицо женщины сохраняло ту же твёрдость, но глаза – глаза были моложе. Не просто моложе, а иными: в них светилась та нерастраченная надежда, которую Вера привыкла видеть только у очень юных, очень глупых созданий. Женщина в зеркале смотрела на мир так, будто он ещё не успел её предать.

– Это невозможно, – прошептала покупательница. Она провела рукой по лицу, будто стирая наваждение, но в зеркале её рука двигалась чуть медленнее, словно отражение получало команды с задержкой. – Я выгляжу... моложе.

– Старые зеркала, – начала было Вера, но женщина перебила:

– Нет. Это не моложе. Это – другая я. Та, какой я была...

Она не договорила. Купила подсвечник – не глядя, почти небрежно – и ушла, оставив на прилавке деньги, которые долго ещё хранили тепло её пальцев.

Третья покупательница была молодой, в дорогом пальто и с усталыми глазами той, кто слишком рано научилась при-

творяться. Она примеряла перед трюмо старинную с аметистом брошь, и Вера видела, как в зеркале брошь вспыхивала не фиолетовым, а кроваво-красным, и лицо женщины в отражении – то же лицо, но без маски, без притворства, откровенно злое, откровенно уставшее, откровенно готовое рвать и крушить.

– Жуткое зеркало, – сказала женщина и усмехнулась той самой усмешкой, которой не было на её лице. – Оно всё про меня знает.

Вера не ответила.

Каждый раз она находила объяснение: преломление света, неровности старого стекла, оптический обман, усталость, игра воображения. Но с каждой новой покупательницей объяснения становились тоньше, и Вера чувствовала, как между нею и трюмо натягивается нить, тонкая и прочная, как паутина. Ей казалось, что зеркало не искажает. Оно выбирает. Какая-то неведомая сила в глубине стекла пробегает по чертам лица, как пальцы по клавишам, и извлекает из личности ту ноту, ту версию человека, которая есть, но скрыта, спрятана, похоронена под слоями приличий и самообмана.

В тот вечер, когда ушла последняя покупательница, Вера осталась одна. Она заперла дверь, погасила верхний свет, оставив только одну свечу на прилавке. Пламя дрожало в сквозняке, и тени танцевали по стенам, по стеллажам, по лицам фарфоровых кукол, по резной раме трюмо.

Она подошла к зеркалу.

В стекле отражался прилавок со свечой, стеллажи с книгами, дальний угол с креслом. Всё было на месте. Всё было правильно.

Кроме неё самой.

Она стояла перед трюмо. Она знала, что стоит, чувствовала тяжесть собственного тела, слышала собственное дыхание, но в зеркале её отражение уже смотрело на неё. Смотрело чуть раньше, чем она успела шевельнуться. Лицо в стекле было её лицом – те же морщины у глаз, та же складка у губ. Но глаза. В глазах отражения не было усталости. Не было той спокойной, выученной отстранённости, которую Вера носила как вторую кожу. В них была жажда. Холодная, голодная жажда – той, кто смотрит на мир изнутри стекла и знает, что мир снаружи – только иллюзия, только обещание, только приманка.

Вера попятилась. Ей показалось – или отражение качнулось в ту же сторону, но на долю мгновения позже?

Она задула свечу. В темноте трюмо стало просто чёрным прямоугольником, и Вера слышала собственное дыхание – слишком частое, слишком громкое в тишине магазина. Ей казалось, что из глубины стекла доносится эхо. Другого дыхания. Чужого. Но такого знакомого, такого родного, что мурашки побежали по спине.

– Глупости, – прошептала она в темноту. – Старое зеркало. Усталость. Глупости.

Но когда она наконец легла в постель, в маленькой комна-

те над магазином, когда закрыла глаза и попыталась уснуть, она увидела перед собой не тьму век, а ту самую улыбку – насмешливую, знающую, голодную. Улыбку собственного отражения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.